

Г. Т. Гаспарян

Поэзия Виктора Гюго и армянская литература

Представители передовой армянской интеллигенции при рассмотрении волнующих проблем современности как на страницах периодической печати, так и в отдельных монографиях часто обращались к сокровищнице мировой литературы. В лице Виктора Гюго они видели стойкого защитника угнетенных малых народов, непримиримого противника насилия, неустанно отстаивающего интересы поработенных и эксплуатируемых народных масс. Это и явилось одной из причин того исключительно теплого приема, который находило творчество Гюго в армянской действительности.

Выдвигаемые гениальным писателем проблемы полностью совпадали с социально-политическими устремлениями передовых представителей армянской интеллигенции. Они охотно переводили и публиковали те произведения Гюго, которые могли содействовать успеху их борьбы. Так, демократ Арутюн Свачян в 1859 году напечатал в своем журнале «Меру» («Пчела») перевод стихотворения Гюго «Moïse sur le Nil»¹. Это одно из самых ранних стихотворений Гюго. Свачяна привлекала созвучная освободительным чаяниям армянского народа идея, пронизывающая это стихотворение. Ведь такие же мечты волновали и изнывавших под игом султанов армян, которые также жаждали освободиться и воссоединиться с братьями, живущими на земле отчизны... Об этом же свидетельствовали патриотические песни крупных армянских поэтов — М. Налбандяна, М. Пешикташляна, Р. Патканяна и др.

Не прошло и трех лет после опубликования вышеупомянутого перевода, как вспыхнуло вооруженное восстание в Зейтуне, бывшее одним из самых героических эпизодов национально-освободительной борьбы и сыгравшее огромную роль в пробуждении национального самосознания как у западных, так и у восточных армян. Это героическое восстание, в котором наравне с мужчинами участвовали старики, женщины и даже дети, вдохновило многих армянских писателей. Так, Мкртич Пешикташлян посвятил зейтунцам четыре патриотических стихотворения с боевым призывом. Первое из них, озаглавленное «Армянский смельчак», написано под воздействием известного стихотворения Гюго «L'Enfant»². В своем стихотворении Гюго описывает трагедию греческого острова Хиос, которому турецкие насильники принесли смерть, погромы и рабство. На пустынном

¹ Victor Hugo. Odes et ballades, Oeuvres complètes, t. 1, Paris, 1880, p. 257. «Մեղր», Կ. Պոլիս, 1859. № 10, էջ 26, թարգմ. Կ. Կ. («Меру», Константинополь, 1859, № 10, стр. 26, перев. К. К.).

² Victor Hugo, Les Orientales, Oeuvres complètes, t. 2, Paris, 1880, p. 111.

берегу моря сидит потерявший всех родных мальчик, молчаливый и хмурый. Поэту страстно хочется утешить, отвлечь ребенка от его скорбных дум и он спрашивает — что подарить ему: цветы, игрушки или сладкого соловья? Но мальчик просит дать ему пороха и патронов...

В стихотворении Пешикташляна те же варвары опустошили и родину армян. На склоне скалистой горы сидит осиротевший армянский подросток, который, отвергнув все дары поэта, также просит дать ему пороха и патроны. Это патриотическое стихотворение пользовалось большой популярностью среди участников национально-освободительного движения. В течение многих десятков лет оно вдохновляло армян примером героических повстанцев Зейтуна, внушая мысль о том, что лишь с оружием в руках возможно добиться освобождения от ига тиранов.

Одним из откликов на освободительные чаяния армянского народа было и стихотворение «Искусство и народ»³, напечатанное в 1864 году в смирнском прогрессивном журнале «Цахик»⁴ («Цветок»), в котором Гюго призывал французский народ бесстрашно и громко воспевать Свободу, требовал свергнуть иго насилия в Италии, Польше и Венгрии. В конце, обращаясь к тиранам, поэт предупреждал, что песня народа — это рычанье разгневанного льва...

В одном ряду с угнетенными странами, о которых говорил поэт, армянские читатели того времени видели и свою любимую, залитую кровью родину, и в их сердце находили отклик его слова о том, что выражающая спаянную волю народа песня Свободы вызывает такой же страх, как и грозное рычанье льва.

Спустя два десятилетия после Пешикташляна, тем же стихотворением Гюго вдохновляется и воспитанник Лазаревского института восточных языков; будущий именитый поэт Ов. Иоанниснан. В 1882 году он пишет свое стихотворение «Дитя армян». Герой Иоанниснана так же, как греческий мальчик у Гюго и юный смельчак-зейтунец у Пешикташляна, скорбит о разрушенном очаге и убитых родных. Желая отвлечь ребенка от скорбных мыслей, поэт рассказывает ему о чудесных цветах, сладостной песне птиц, журчанье ручейка и золотых лучах солнца. Но ничто не привлекает мальчика — он думает лишь о мести палачам:

Текст Иоанниснана:

Տղև՛ք հնձ սուսեր ամուր պողպատե,
Իմ խաղալիքը ատ պիտի լինի.
Առեք ծաղիկներ, սղև՛ք հնձ հրացան,
Ե՛տ դ՛ ախտհետե թշնամիք դողան՝:

³ V. Hugo, Les chatiments, Oeuvres complètes, t. 4. Paris (s. a.) ed. Hetzel—Quantin, p. 69.

⁴ «Ծաղիկ», հանդեսը, 1864, № 84, էջ 173, թարգմ. Չ.Ս.Չ. (Журнал «Цахик» Смирна, 1864, № 84, стр. 173. Перев. З.С.Ч. стихотв.)

⁵ Это стихотворение опубликовано не было. Подлинник его хранится в Музее литературы и искусства АН Армянской ССР (фонд Ов. Иоанниснана, № 1—1).

«Дайте мне меч — крепкий, стальной,
Моей игрушкой будет только он!
Возьмите цветы, дайте мне ружье —
И пусть отныне трепещут враги...»

(Подстрочный перевод)

Но зачем требует дитя (символ молодого поколения) дать ему меч и ружье, о каких «врагах» идет речь?..

В годы, когда написано было это стихотворение, начался новый этап национально-освободительной борьбы армянского народа. Разъяренное своими неудачами в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.) турецкое правительство организовало в Западной Армении массовые погромы и резню населения. Восстав против варварского ига поработителей, армяне Зейтуна в 1878 году вновь подняли вооруженное восстание и, укрепившись в родных горах, целый год вели партизанскую войну с осаждавшими их регулярными турецкими войсками. В 1880 году национально-освободительное движение развернулось также в Васпуракане, Сасуне и Алашкерт. Но восстания эти, носившие разрозненный характер и не связанные друг с другом, были в конце концов подавлены, и после них прокатилась новая волна погромов и резни.

Передовых представителей армянской литературы эти трагические события не заставили, однако, потерять веру в грядущее освобождение, — и свидетельством этого как раз является вышеупомянутое стихотворение Ов. Иоаннисиана. В 1883 году поэт пишет в подражание Гюго стихотворение «Могучие вихри»⁶, в котором призывает читателей быть «бичом беспощадным презренного века» и «сурово покарать злодеяния руку».

В эти же годы особенно ухудшилось положение армянских крестьян в Западной Армении. Из года в год увеличивались и без того непомерные подати и налоги. Еще более тяжким было положение безземельных армянских крестьян. Чтобы прокормить семью, они вынуждены были в поисках работы переходить из города в город. Раффи, во время одного из своих путешествий лично встретивший этих обездоленных бедняков, был глубоко потрясен их трагической судьбой. И далеко не случайно, что он именно в эти годы переводит стихотворение Гюго «Chanson»⁷, которое напомнило ему о разоренном очаге подневольного армянского скитальца. Гюго в своем стихотворении описывает горестную судьбу одной семьи: отец чахнет в далекой ссылке, мать лежит в больнице, а дома дрожит в своей жалкой колыбельке беспомощное дитя... От ледяного ветра сотрясается лачуга, каждую минуту может рухнуть крыша. А спасенья ждать неоткуда... Перевод этого стихотворения Раффи напечатал в детском и юношеском журнале «Ахбюр» («Родник») ⁸.

⁶ Հոգի: Հոգի աննիւսյան, Երկերի Ջոզովածու, 1 հատոր, Երևան, 1937, էջ 254. «Սոսիսի հոգիերը». (Օվ. Իոաննիսյան, Սոբր. սոչ., 1937, Երեւան, տ. 1, սթր. 254).

⁷ V. Hugo, «Les Châtiments», там же, стр. 83.

⁸ «Աղբյուր», Խիֆիլիս, 1883, № 3—6, էջ 193 («Ахбюр» («Родник»), Тифлис, 1885, № 5—6, стр. 195).

Глубоко взволновало армянских читателей и другое стихотворение Гюго под тем же названием «Chanson»⁹ («Песня»), которому армянский переводчик его — поэт Ал. Цатурян дал заглавие «Ссылный».

Гюго, проживший в добровольном изгнании девятнадцать мучительных лет, в этом стихотворении описывает собственные переживания. Изгнаннику показывают изумрудные поля, луга с душистыми цветами, описывают прелесть и красоту природы и задают вопрос — неужели май не принес ему радости? Но поэт отвечает, что его может обрадовать лишь весна в родной стране. Вполне понятно, что это стихотворение не случайно было выбрано Цатуряном, посвятившим ряд прочувствованных стихов судьбе обездоленных изгнанников.

Виктор Гюго возвратился из изгнания на родину в 1870 году, во время франко-прусской войны. Франция переживала бедственные дни, к ее столице подступали неприятельские войска. В Брюсселе, накануне выезда в Париж, великий писатель-патриот написал свое известное стихотворение, прозвучавшее боевым призывом: *Au moment de rentrer en France*¹⁰. Гюго говорит о том, что, когда «черные орды врага» наступают, чтобы захватить страну, когда «выплевывают огонь пушки и пулеметы», горят дома и ручьями льется кровь, — поэт-изгнанник не может не вернуться домой, чтобы до последней капли крови бороться в первых рядах защитников отчизны. Полный перевод этого стихотворения был напечатан в константинопольской газете «Масис»¹¹ в дни, когда восстание постепенно охватывало все области Западной Армении, как раз накануне восстания в городе Ване. В условиях жестокого цензурного гнета, когда армянские писатели были полностью лишены возможности способствовать своими произведениями освободительной борьбе народа, это стихотворение было не чем иным, как замаскированным призывом к восстанию. И этот, и многие подобные факты говорят о том, что западноармянская печать умудрялась воодушевлять соотечественников патриотическими призывами даже при наличии пристального внимания цензуры, прибегая к помощи эзоповского иносказания, а сплошь и рядом — и к помощи художественного слова Гюго.

Однако в 90-х годах прошлого столетия цензурный гнет настолько усилился, что в печати не допускались даже отдаленные намеки на национальное освобождение, на современное положение или же историческое прошлое подвластных султанату народов. Безоговорочно запрещалось писать и говорить об *Армении, революции, свободе, восстании*, под запретом были даже такие невинные слова, как *молодежь, чаяния, звезда* и т. п.¹², ибо цензура подозревала, что под ними может скрываться какое-либо опасное, символическое значение...

⁹ V. Hugo, «Les quatre vents de l'esprit» t. 2, Paris (s.a.), ed. J. Hetzel et Cie, p. 79.

¹⁰ V. Hugo, «Les Chatiments», Paris, (s.a.).

¹¹ «Մասիս», 1885, № 3777, էջ 1189. Թարգմ. Հ. Քիւրյան (Масис, Константинополь, 1885, № 3777, стр. 1189)․

¹² Գ. Ստեփանյան, «Մայրը արեւմտահայրի մոտ հանուն աշխարհաբարի, տեղս լն. Մտրի կարիւնեար աշրատուր յունեհրը» ժողովածուում, Երևան, 1948, էջ 111—183։

И все же, несмотря на все цензурные и административные рогадки, армянским писателям время от времени удавалось публиковать в периодической печати и даже отдельными изданиями статьи и произведения (как оригинальные, так и переводные), пропагандирующие национально-освободительные идеи, но написанные эзоповским языком. Достоин внимания, например, следующий факт: в 1891 году, когда султан Абдул-Гамид уже вынашивал свой кровавый план полного уничтожения армянского народа, в Константинополе был издан составленный Минасом Гапамаджяном «Избранный сборник»¹³, в который вошло и популярное стихотворение М. Пешикташляна «Армянский смельчак». Заключительный стих опущен в этом издании стихотворения: «Хочу лишь пороха и патронов»...

Чем же объясняется этот пропуск? Вычеркнула ли их цензура или же составитель сборника? Мы склонны полагать, что это сделал сам составитель сборника, отдававший себе отчет в том, что цензура ни за что не пропустит подобной крамольной строки, а вдобавок обязательно привлечет его самого к ответственности. Вместе с тем, нельзя было сомневаться и в том, что строка о *порохе и патронах* уже прочно была запечатлена в сознании читателей. В те тревожные дни издатель стремился напомнить читателям этим стихотворением хотя бы и с пропущенной строкой о пламенном боевом кличе свободолюбивых сынов армянского народа.

Массовые погромы армянского населения в 1895—1896 гг., во время которых было вырезано свыше трехсот тысяч армян, вызвали скорбь и яростное возмущение во всей Западной Армении. Печать каждый день сообщала новые потрясающие подробности происходивших зверств. Несмотря на усиление национально-колониального гнета и строгостей цензуры, писатели совершенно недвусмысленно определяли свое отношение к событиям при помощи как собственных произведений, так и переводов. Так, в 1896 году в тифлисской газете «Ардзаганк» («Эхо») было напечатано стихотворение под заглавием «Утренней заре»¹⁴ с ссылкой на Виктора Гюго, как на автора. Но в действительности это было, конечно, не переводом стихов Гюго, а переложением того стихотворения гениального французского поэта из его книги «Les châtiments», которое начинается словами «Il est des jours abjects»¹⁵.

Автор арменизированной версии этого стихотворения, подписавшийся начальными буквами «С. А.»¹⁶, рисует печальную картину армянской действительности того времени. Он с горечью говорит о том, что жизнь стала поистине невыносимой, — изменной и оскверненной, ничто не тро-

(См. Г. Степанян, Борьба за ашхарабар среди западных армян, в сборнике «Труды кабинета им. Н. Марра», Ереван, 1948, стр. 141—185).

¹³ Մ. Գափաճյանի շարժումները հայաստանի Կ. Պոլիս, 1891 (М. Гапамаджян, «Избранный сборник», Константинополь, 1891).

¹⁴ «Արձագանկ», Պոլիս, 1896, № 1, էջ 2 («Газета Ардзаганк» («Эхо»), Тифлис, 1896 г., № 1, стр. 2).

¹⁵ V. Hugo, «Les châtiments», там же, стр. 425.

¹⁶ По-видимому — С. Ахумян.

гает уже сердца людей, совесть их дремлет в забытьи, а беззаветные борцы за свободу и истину спят вечным сном в своих кровавых могилах. И все же заключительные строки стихотворения пронизаны верой в грядущее:

Текст С. А.

*Բաւոյ դարապոր շնն ալս անարգ օրեր,
Գրչերն անցնում է, մոտ է արշալույս,
Ո՛ր դուք, խաղարի հարբած հոգիներ,
Հույսը կրացվի, կը կորչի՞ք անհույս...*

«Но не вечно им длиться, этим дням постыдным,
Ночь проходит, близится рассвет.
Эй вы, опьяненные мраком души,
Взойдет заря — и сгинете вы безвозвратно!..».

(Подстрочный перевод)

В том же 1896 году поэт-переводчик К. Красильникян напечатал в еженедельнике «Тараз» перевод известного стихотворения Гюго, которое начинается словами «Минули былые увлечения»¹⁷.

«Под мрачным гнетом сомнений угасла вера у меня...» — с отчаянием говорит поэт: «Не верю больше я ни в добро, ни в счастье, разбил и растоптал я прежние идеалы...». Эти пессимистические высказывания поэта были созвучны душевному состоянию некоторой части армянской интеллигенции того времени.

На глазах у империалистических «великих держав», сделавших так называемый армянский вопрос объектом дипломатического торга, турецкие орды в 1895—1896 гг. покатались по областям Западной Армении, неся с собой смерть и разрушение. В эти именно годы поэт Ал. Цатурян своим вольным переводом талантливо воспроизвел известное стихотворение Гюго «L'Enfant»¹⁸ — это проникнутое горячим возмущением произведение, описывающее зверства турецких варваров и насыщенное идеями возмездия палачам, грядущего и неизбежного освобождения от ига насильников.

Нечего и говорить о том, что произведения Гюго оставляли глубокое впечатление в сознании армянских читателей. Многочисленные переводы и переложения свидетельствуют о том, что армянская печать неизменно использовала поэзию Гюго как идеологическое оружие, а в эпоху национально-освободительного движения художественное слово французского поэта воодушевляло народ.

¹⁷ «Տարազ», Թիֆլիս, 1896, № 3, էջ 620 (Еженедельник «Тараз», Тифлис, 1896, № 3, стр. 620).

¹⁸ «Մուրչ», Թիֆլիս, 1898, № 4, էջ 407 («Мурча» («Молот»), Тифлис, 1898, № 4, стр. 407. Перевод этого стихотворения был выполнен Цатуряном в 1897 году).

* * *

Поэзия Виктора Гюго переводилась и переводится на армянский язык и после установления Советской власти в Армении. Его произведения неоднократно издавались и переиздавались.

Первый перевод произведений Гюго на армянский язык был выполнен в советское время крупнейшим армянским поэтом Егише Чаренцем. Еще в 1923 году он блестяще воспроизвел стихотворение «Dans l'ombre»¹⁹, в котором описывается, как грозный прилив времени сметает с лица земли законы и обычаи прошлого, следы застойной мысли, цепи порабощения, а представитель старого, отжившего мира напрасно упрашивает, призывает пощадить эти «святыни»: бушующий вал не внемлет ни мольбам, ни приказам, он уносит и царский трон, и стершуюся рукопись швыряет в море вместе с окровавленным эшафотом, судей, законников и церковников, и в конце концов погребает под собой все пережитки старого мира.

В образе грозно бушующего вала, который сметает законы старого мира, разбивает цепи рабства и опрокидывает царские троны, пламенному советскому поэту виделся символ Революции. Арменизируя это стихотворение, Чаренц словно хотел показать, что пророческое видение Гюго сегодня уже стало светлой действительностью в нашей стране, как станет действительностью завтра и на всем земном шаре.

Одним из самых впечатляющих стихотворений Гюго является его стихотворение «На баррикадах», в котором поэт с горячей симпатией описывает бесстрашие и самоотверженность юного коммунара. Два перевода этого стихотворения, принадлежащие перу А. Хондкаряна и С. Таронци, вот уже тридцать лет неизменно включаются в школьные учебники и хрестоматии. В этих же учебниках и хрестоматиях встречаются и прекрасные отрывки из прозаических произведений Гюго, но на них мы в данной статье останавливаться не будем.

В тяжелые дни Отечественной войны, когда гитлеровские армии захватили значительную часть нашей отчизны, сравнивая с землей города и села, истребляя и угоняя советских людей, в переводе Ованеса Шираза была издана первая часть стихотворения «L'Expiation»²⁰ Виктора Гюго под заглавием «Бегство Наполеона из России»²¹. Мы видим, как Наполеон, покинув охваченную пожаром Москву, отдает приказ об отступлении своей армии. Русские войска по пятам следуют за отступающим неприятелем, русская зима дышит лютой стужей. Кругом — бескрайняя снежная равнина, впереди — смертоносная дорога отступления... Постепенно разлагаясь, тает великая армия Наполеона...

¹⁹ V. Hugo, «L'Année Terrible», Paris, 1872, p. 419. Եղիշե Չարենց, Էպիգրամներ, Երևան, 1954, էջ 525: («Նոստալգիա») (Егише Чаренц, Избр. произведения. Ереван, 1954, стр. 525 («Во мраке»)).

²⁰ V. Hugo, «Les chatiments», там же, p. 273.

²¹ «Սովետական Հայաստան» (ամսագիր), Երևան, 1942, № 3, էջ 3 («Советская Армения» (журнал), Ереван, 1942, № 3, стр. 3).

26 февраля 1952 года, на торжественном вечере в зале Союза советских писателей Армении, посвященном 150-летию со дня рождения Виктора Гюго, с чтением своих переводов выступили поэты С. Таронци, Ов. Шираз, С. Капутикян, Р. Погосян, Р. Ованнисян и Арм. Котинян; с докладом о литературной деятельности Гюго выступил С. Согомонян. Открывший вечер памяти французского писателя председатель юбилейной комиссии Ав. Исаакян свое выступление закончил следующими словами: «Сейчас мы с большой любовью празднуем юбилей Виктора Гюго и славим его бессмертные дела. Гюго не ушел от нас — его впечатляющее слово и сейчас действительно и современно. Он с нами всегда, вместе с друзьями мира он борется с поджигателями войны, с насилем — во имя гуманистической культуры, во имя мира, братства народов и лучшего будущего!...»²². В своей речи поэт выразил любовь и уважение всего армянского народа к одному из самых блистательных представителей передовой французской мысли — Виктору Гюго.

* * *

Прогрессивные армянские писатели переводили гражданскую поэзию Гюго не только для того, чтобы внести в нашу литературу образцы высокохудожественного слова, но и для пропаганды волнующих общественность идей. Обращаясь к поэзии Гюго, они отбирали стихотворения, правдиво отображающие чаяния народа и пробуждающие боевые настроения. Помимо этого, армянские переводчики зачастую вносили изменения в подлинник, перерабатывали его, стремясь приблизить его к армянской действительности. Иногда, дав правильный перевод французского стихотворения, они вставляли в него от себя неимеющиеся в подлиннике строки и как бы от имени французского автора доносили до читателя идеи, которые из-за цензуры не могли быть выражены в их собственных оригинальных произведениях. Таким образом, если, с одной стороны, армянские писатели выступали переводчиками поэзии Гюго, то, с другой стороны, Гюго также выступал как толкователь их чаяний и идеалов.

Намеренные отклонения от подлинника с целью большего выявления политического смысла произведения особенно часты были в переводной литературе периода национально-освободительной борьбы. Для того, чтобы дать об этом определенное представление, достаточно привести несколько примеров хотя бы из упомянутых в настоящей статье переводов.

При переводе известной «Песни» Гюго на армянский язык переводчик стремился сделать ее предельно близкой сердцу армянского читателя. С этой целью он *каторжника* превратил в *изгнанника*, ибо покинувший родину и семью бедняк более органичен для армянской действительности. Затем, с целью придания большей впечатляющей силы описанию бедственного положения семьи изгнанника, переводчик ввел ряд удачных эпитетов и определений, которых нет в оригинале.

²² «Գրական Մերձ», Երևան, 1952, № 8(640), էջ 2 (Газета «Гракан терт», Ереван, 1952, № 8(640), стр. 2).

У Гюго:

L'homme est au bagnel La mere
A l'hospicel O misère!
Le logis tremble aux vents;
L'humble berceau frissonne.
Que reste-t-il? Personne.
Pauvres petits enfants!

(Отец на каторге, мать —
В богадельне... О несчастье!
Лачуга шатается от ветра,
Убогая колыбель содрагается...
Кто ж остался там? Никто!
Бедные маленькие дети!).

Текст вольного перевода Раффи:

*Աքորանաց մեջ հետու, տարագիր,
Կրում է հալրը վրշտ տաժանակիր:
Մալրը տառապալի, հալումաշ եղած,
Հիվանդանոցում, — այնտեղ է ընկած:
Փչում է քամին իր թափով ուժղին,
Դողում է անակը, մտտ է կործանման,
Եվ նորա մեղում, անտեր, անպաշտպան,
Դողում է օրորոցը որբացած մանկան:
Ո՞վ քնաց այնտեղ: — Ո՞չ հալր, ո՞չ մալրիկ,
Ետ միայն մնացիր, դո՛ւ, խղճուկ մանկիկ:*

В дальней ссылке изгнанник,
Терпит отец скорь тяжкую;
Измученная мать, исхудалая, растаявшая.
В больнице — там лежит...
Дует ветер, налетает с силой,
Дрожит лачуга, близка к разрушению,
А в ней — без надзора, без защиты,
Дрожит колыбель осиротевшей малютки.
Кто ж остался там? Ни отца, ни матери,
Ты только осталось, ты, злосчастное дитя!

(Подстрочный перевод)

Такой же вольный перевод другой «Песни» Гюго дал и Ал. Цатурян, озаглавив его «Ссылный».

У Гюго:

Je pense
Aux yeux chers que je fermai.
Le mois de mai sans la France,
Ce n'est pas le mois de mai

(Я думаю
О глазах любимой, которые я закрывал.
Месяц май без Франции,
Это не май месяц).

Текст перевода А. Цатуряна

*Ես հիշում եմ այն շիրիմներ անարթառ,
Եվ իմ ձեռքով հազվես փակած այլ աչեր.
Սիրելի չեն արտորալիս այն օտար
Ո՛չ երկինքը, ոչ արևը կենսարևը:*

Я вспоминаю иные могилы безмолвные,
И моей рукой навечно закрытые иные очи...
Не милы мне, ссыльному, этой чужбины
Ни небеса, ни солнце животворное!

(Подстрочный перевод)

Мы видим, что кроме целого ряда изменений, Цатурян совершенно опустил упоминание о Франции.

После массовой резни населения Западной Армении в 1895—1896 гг., Цатурян, как мы уже отмечали, перевел известное стихотворение Гюго «L'Enfant», которое начинается следующей строкой:

«Les turcs ont passe la».
(«Турки здесь прошли...»).

Но армянский поэт добавляет эпитет к слову «турки», определяющий его отношение к ним:

Այստեղից անցան անզուր սաճիկներ...
(«Здесь прошли безжалостные турки...»)

Стихотворение Гюго завершается по-французски строками:

У Гюго:

— Ami, dit l'enfant grec, dit l'enfant aux
yeux bleus,
Je veux de la poudre et des balles,

(— Друг,— молвил греческий мальчик,
мальчик синеглазый,—
Хочу я пороха и пуль!),

а переводчик этого стихотворения, мечтавший о лучшем будущем для своего народа, изменил эти строки так:

Текст перевода А. Цатуряна

— Բարեկամ,— ասաց նա դառն, թախծալի,
Արեւիք հառած աչերն կապտառակ,
— Ինձ պետք է կիանք, պետք է հաղթանակ:

— Друг,— молвил он горько, скорбно,
Обратив к востоку синие глаза:
Нужна мне жизнь, нужна победа!
(Подстрочный перевод)

Знаменательно, что Цатурян опустил слово «греческий», очевидно желая внушить читателю мысль, что речь идет об армянском подростке. Не случайно, конечно, переводчик заставляет мальчика обратить взгляд на восток, который символизирует для него Восточную Армению: ведь изнывающие под турецким игом армяне всегда мечтали об освобождении и воссоединении с Восточной Арменией...

Выше мы приводили примеры (и число их можно было бы умножить) того, как армянские поэты и в течение национально-освободительной борьбы при переводе на родной язык стихотворений Гюго с социально-политическим содержанием активно проявляли свое отношение к описываемым явлениям, исходя из передовых тенденций и идей своего времени. Если даже перевод в силу этого кое-где и отклонялся от подлинника, то пропаганда национальных или социальных идеалов с большей нацеленностью выполняла свою миссию.

Что же касается лирических стихотворений Гюго, то армянские переводчики, стремясь обогатить родную литературу лучшими образцами лирики, старались по мере возможности полнее и точнее передать французский подлинник. Типичны в этом смысле переводы М. Пешикташляна «Les fantômes», Ов. Иоаннисиана «A une femme», М. Череза «A mademoiselle Fanny de P.» и др.

*

Становление романтизма в армянской литературе, обусловленное историческими предпосылками и бывшее подлинным проявлением духа армянского народа, относится к 40—50 годам XIX века. Своего расцвета оно достигло в течение двух последующих десятилетий. Далеко не случайным является то, что именно в указанный отрезок времени произведения Гюго нашли широкое распространение в армянской действительности и значительно содействовали развитию этого литературного направления.

Литературная общественность и широкие читательские круги с интересом читали произведения Гюго, восхищаясь его мастерством, проповедуемыми им идеями и чувствами. Произведения великого французского писателя начали переводиться на армянский язык начиная с 50-х годов прошлого столетия. Несмотря на то, что и другие французские романтики (Шатобриан, Ламартин, Альфред Д'Виньи и Мюссе) были знакомы ар-

мянскому читателю, никто из них, однако, не пользовался такой известностью, как Гюго.

Произведениями Гюго воодушевлялась, его обаянию поддавалась и литературная молодежь того времени: многие начинающие поэты стремились подражать великому французскому поэту, перенять его манеру и стиль. В 70—80 гг. это стремление достигло таких размеров, что периодической печати пришлось обратить на это особое внимание. Однако поэты, перепевавшие мотивы Гюго и некритически подражавшие ему, были, по сути дела, лишь эпигонами, не оставившими сколько-нибудь заметного следа в армянской литературе.

Подлинно же талантливые армянские поэты сумели творчески воспринять его мастерство, тем самым обогатив свое творчество, и создали самобытные, полноценно-художественные произведения. В подобных случаях испытанное влияние являлось исходным пунктом для дальнейших творческих достижений.

Многие видные представители армянской литературы — М. Пешикташлян, Ованес Иоаннисиан и другие их собратья по перу в ранний период своей литературной деятельности в большей или меньшей степени испытали на себе благотворное влияние Гюго, то вдохновляясь его идеями, то используя разработанные им изобразительные средства.

Интересным примером восприятия Гюго можно считать стихотворение «Пегас» Даниэла Варужана.

Гюго — большой поклонник греческих мифов — написал символическое стихотворение «Le cheval»²³: поэт верхом на Пегасе мчится к источнику поэтического вдохновения. Он хочет заставить Пегаса свернуть с пути — к мирным, цветущим лугам Идиллии — туда, «где среди смеха и поцелуев расцветает буколическое счастье», а под ласковыми лучами солнца «рождаются эпиграммы и триолеты». Но влюбленный в вольный полет скакун не подчиняется седоку, предпочитая бег в недоступных высотах, поверх бездонных пропастей. И вот, наконец, поэт достигает заветной цели и встречает там величайшего из певцов природы и любви — гениального Вергилия.

Даниел Варужан, который очень любил и ценил Гюго, видимо, создал свое стихотворение «Пегас»²⁴, вдохновленный примером французского поэта. У Варужана поэт, также верхом на крылатом Пегасе, мчится к тому же источнику поэтического вдохновения. Однако путь его пролегает не в эфире, а по земле. Послушный воле седока, скакун вихрем мчится по горам и долам, пока, наконец, не достигает заветной вершины. Там душа поэта «приобщается» к божественному духу под золотыми лучами солнца, вдохновение нисходит на него и он хочет приобщить к своим возвышенным мыслям прозябающих внизу, на земле, людей. В то время как поэт

²³ V. Hugo, «Les chansons des rues et des bois», Paris, 1866, p. 9.

²⁴ Գ ա ն ի ե ի Վ ա Ր ո ս ժ ա ն, Բանաստեղծութիւններ (Даниел Варужан, Стихотворения. Ереван, 1956, стр. 262).

у Гюго на лоне мирной природы слагает нежные идиллии о любви, поэт у Варужана, подняв паруса Мысли на необозримом море Света, воспева-ет «Свободу Человека и пленение Бога»...

Если сюжетное сходство этих двух произведений заключается в том, что в обоих случаях поэты верхом на Пегасе стремятся достичь источника вдохновения, то как раз из этого же сходства и вытекает множество оттенков различия в замысле и выборе изобразительных средств. Варужан по-своему толкует и развивает заимствованную первооснову сюжета; композиция произведения у него иная, язык и стиль своеобразны, образы и метафоры самобытны, дух самого материала — иной. Здесь момент поэтического восприятия Гюго попросту послужил толчком для нового творческого замысла, и это ни в какой степени не преуменьшает художественной ценности «Пегаса».

* * *

Переводы поэтических произведений Гюго сыграли положительную роль в деле развития литературного армянского языка — ашхарабара в период его становления и формирования.

До 40—50 гг. прошлого столетия литературным языком у нас продолжал еще оставаться г р а б а р — древнеармянский язык. Передовые деятели того времени, сознавая, что самым действенным фактором распространения просвещения и культуры среди народа является общедоступный литературный язык, решили заменить непонятный массам г р а б а р живым разговорным языком — а ш х а р а б а р о м. Воодушевленные идеей обогащения и развития литературного языка на основе языка живого, разговорного, народного, сторонники ашхарабара, с одной стороны, создавали новые слова, заимствуя основу для них из грабара, областных и провинциальных слов, а также из языков других народов и, одновременно, разрабатывали грамматику нового литературного языка. Таким образом, на протяжении десятилетий в словарный состав включались тысячи новых слов. Те слова, которые оказались более жизнеспособными, выразительными и соответствующими по смыслу, а также отвечающими духу языка и предъявляемым ему требованиям, получили права гражданства и вошли в словарный фонд армянского языка, в то время как целый ряд слов постепенно вышел из употребления и был окончательно вытеснен.

Много новых слов было создано в связи с переводами произведений иноязычных авторов, в том числе и Гюго. Стимулирующим фактором в этом процессе словообразования и заимствований явились, несомненно, не только задачи полноценного воспроизведения оригинала, но и специфические требования стихосложения, которые вытекали из необходимости сохранить ритмический строй стиха.

* * *

Благодаря переводам поэтических произведений Виктора Гюго, армянские читатели получили возможность ближе познакомиться с лучши-

ми образцами прогрессивного французского романтизма, развить свой литературный вкус и расширить умственный горизонт.

Переводы поэтических произведений Виктора Гюго обогатили армянскую художественную переводную литературу. Многие из этих переводов принадлежат перу талантливых армянских поэтов; выдержав испытание временем, они вошли в золотой фонд армянской литературы.